

Л.В.Черниенко

«РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА» - ОБЩЕЗНАЧИМЫЕ ПРОБЛЕМЫ (ТАРАС РЫБАС, ВЛАДИСЛАВ ТИТОВ)

Несмотря на правильный лозунг «Нет в литературе провинций!», исследуя мировой литературный процесс, некоторые (даже опытные) филологи почему-то не включают в этот самый глобальный процесс авторов, которых традиционно относят к литературе региональной (краеведческой). Со всех точек зрения позиция неконструктивная, прежде всего потому, что проявления общих тенденций развития литературы какой-то эпохи в произведениях нестоличных авторов подтверждает жизнеспособность и универсальность тех явлений, которые определяют суть литературы конкретного исторического периода.

Цель данной статьи - выявить принципиально важные черты творчества двух писателей Луганщины, чье творчество некогда было известно всесоюзному читателю, - Тараса Рыбаса и Владислава Титова и актуализировать идею универсальности многих свойств литературы одной эпохи, независимо от «территориального происхождения авторов».

Мировоззренчески Тарас Рыбас - человек военного поколения (неслучайно его первый рассказ опубликован в 1945-ом), а **творчески** он, конечно, принадлежит к «шестидесятникам», что прежде всего проявляется в выборе тем, трактовке вечных нравственных ценностей и, самое главное, в **обостренном интересе художника к «простым», «обыкновенным», «рядовым» людям, их судьбам, духовному миру, тончайшим проявлениям личности.**

Рыбас писал произведения различных жанров, но рассказы занимают в его прозе принципиально важное место. Именно этот жанр позволил ему создать богатейшую палитру человеческих типов в максимально широком жизненном контексте.

При анализе любого художественного текста сразу же возникает **вопрос о творческом методе, в русле которого работает писатель.** Безусловно, **базовые эстетические принципы Рыбаса восходят к реализму, хотя в некоторых произведениях («Синеглазая», «Соломея», «Любители поэзии», «Ерохин - младший», «Верю словам Светланы»)** элементы романтизма достаточно активны. Помещая своих необычных (исключительных) героев в очень типичные жизненные обстоятельства («Белый олень», «Молодожены») или, напротив, создавая экстремальные ситуации сюжета для персонажей «совершенно обыкновенных» (иногда даже скучноватых или **комически наивных**, как в «Отчаянной» или «Длинных столбах»), автор демонстрирует нам романтико-реалистическое видение мира. Сюда же можно отнести изображение «производственного» как духовного, **возвышенно-нравственного** («Сашка и другие», «Старик »).

Интересен в этом плане рассказ «Любители поэзии», где одновременно показаны исключительные характеры в типичных обстоятельствах и типичный характер в исключительной ситуации. *«На заводском дворе, под стенкой строящегося цеха (выделено мной - Л. Ч.), сидели трое и поочередно читали стихи. Уговор был такой - никакого перерыва в чтении, один заканчивает, другой начинает, затем третий, потом снова первый. Время позволяло - на стройке был перерыв. Мастер Фиолетов, по их представлениям, никудышный человечико (выделено мной - Л. Ч.), ушел добывать раствор...»* [4, с.3]. Иван, Олег и Петр, обычные «работяги», влюблены в стихи. Ими овладело фантастическое желание привлечь сюда, под серую недостроенную стенку, побольше удивительных гостей из самых далеких стран и самых богатых талантливых времен» [4, с.5]. Но в момент реальной производственной опасности «любители поэзии» испугались и растерялись. А несуразный («никудышный», по определению друзей) Фиолетов «в сапогах с короткими голенищами, в тесной куртке и маленькой круглой шапке... груб, однообразен, далек от всего, что их увлекало» [4, с.7], на глазах у всех совершает героический поступок, не воспринимая его как героизм: так, обычная внештатная ситуация на производстве. Символичен финал рассказа, образующий с его началом своеобразное обрамление, основанное на одном из любимых приемов автора - **антитезе**: «Фиолетов, покашливая, пошел к прорабскому домику. Они глядели ему вслед, не в силах припомнить стихи, которые бы подошли к данному случаю. Стихов о Фиолетове не было, а другие казались ненужными и мелкими, совсем не такими, какими представлялись раньше, и поэтому начисто забылись и исчезли из памяти.» [4, с. 9].

Большинство персонажей рассказов Т.Рыбаса - это люди, живущие «как все», но интересные своей **непохожестью в похожем**. А непохожесть эта - в художественных деталях, в каких-то «мимолетных», «незначительных» эпизодах. Самая идея **значительности незначительного** очень дорога писателю, и воплощается она так или иначе **в каждом рассказе**.

С идеей «значительной незначительности» логически связаны такие понятия, как «случайное», «мимолетное», особенно если это касается человеческих взаимоотношений. Владислав Гобильский («Синеглазая») так размышляет о случайной встрече с Оришей : «В жизни иногда встречаются люди, которые заставляют много думать о себе, о других, о времени и будущем. Встречаются редко. Иному могут вовсе не встретиться. Но если такая встреча произошла, она никогда не забудется» [3, с. 85].

Авторские раздумья о роли случайного, мимолетного в человеческой судьбе лежат в основе рассказа «Соломея» о случайной встрече двух уже немолодых людей. Повествователь (рассказ написан от первого лица) пытается анализировать свое душевное состояние: *«А мало ли значит в человеческой жизни мимолетное?»* (выделено мной - Л. Ч.). Не может ли оно стать самым ярким и главным?» [4, с. 248 - 249].

Писателя интересуют люди разных возрастов и профессий. Его герои могут вызывать симпатию или антипатию читателей, сочувствие или негодование, но все же гораздо интереснее для художника те, кто способен и в повседневной жизни, и в экстремальных ситуациях «выявить собственный запас доброты» (В. Шукшин) и не изменить своим главным нравственным принципам. Повествователь старается быть как можно более объективным: ему чужды как нравственный догматизм, так и всепрощенчество. **Движение вглубь духовного мира человека** для того, чтобы понять основу характера и мотивы поступков - этот непреложный закон реализма был принципиально важен для Рыбаса. Поэтому нравственный вывод из каждого рассказа **в первую очередь** связывается не с авторской оценочной характеристикой того или иного героя, а с особенностями самой жизненной коллизии, в которой персонаж себя проявляет.

Подобно героям Шукшина, многие люди, изображенные в рассказах Рыбаса, с «чудинкой». Конечно, таких откровенных «чудиков», какими их создал классик XX века, у Рыбаса нет, но «чудинка» дает знать о себе - у кого больше, у кого меньше. Так, в «Отчаянной» тракторист Семен рассердившись на председателя колхоза Миновну, «почему-то вспомнил, как она появилась в селе впервые и без провожатых пошла смотреть хозяйство. Мужа ее вспомнил, сухонького, тихого фельдшера. Какие-то оба робкие, ни на кого не похожие. Часто работали за других - то домашнее, по соседству, то счетоводское, в конторе; деньги всем давали займы, сами оставаясь без гроша, и вообще чудили. Люди скрыто посмеивались над ними» [3, с. 134].

И еще более чудной и загадочной показалась Семену эта женщина, когда он узнал, что «баба на сносях» сделала то, на что не каждый молодой и здоровый мужик решится.

Идея и пафос рассказов Тараса Рыбаса в том, что писатель рисует **подлинно народные характеры** с присущими им высокой нравственностью и добросердечием, со здравым смыслом и бесконечной выносливостью, с чувством милосердия и любви, через которую все можно постичь и всего достигнуть. Герои Рыбаса - люди **в высшей степени социальные**, но одновременно «природные», близкие естеству жизни. Они даже собственную судьбу ассоциируют с жизнью природы Федор Куц («Старик»), пятьдесят лет проработавший на заводе разметчиком, на замечание жены, что время его минуло, отвечает: «Минула весна, а осень держится» [3, с. 198], а когда один из его сотрудников уговаривает старика уgomониться и спокойно отдыхать на пенсии, заявляет: «Нельзя отрывать человека от прежнего - зачахнет. Птица летает - крыльями машет. Зачем ее сажать в клетку, чтоб отдыхала?» [3, с. 215].

Система конфликтов, структура сюжета, композиционные приемы этого автора абсолютно (можно даже сказать, **демонстративно**) традиционны.

Если рассматривать эти проблемы в контексте развития жанра рассказа 50-х - 70-х гг., Т.Рыбас где-то между В.Шукшиным и Ю.Казаковым. Современным молодым читателям, которые восхищаются сюжетно-стилевыми

изысками постмодернистов, сюжеты и художественные приемы Рыбаса покажутся «совсем простыми». Но в этом принципиальная позиция писателя. Для него важнее всего - максимальная близость произведения к реалиям **действительной** жизни. Отсюда - отторжение «красивости». Красота протав красивости! А как заметил близкий автору по духу повествователь из рассказа «Соломея», «красивым я называю все талантливое» [4, с.250]. При внимательном чтении «малой прозы» Рыбаса становится очевидным его стремление синтезировать «художественность» и «очерковость». И постоянные дискуссии с самим собой об этом, которые переносятся в сюжеты произведений. Журналист Буровкин («Верю словам Светланы») просматривает книгу очерков о войне: «Прочел первые фразы: «Еще не смолкло тяжелое дыхание удаляющегося боя. Красное солнце, опутанное пыльными облаками, медленно падало на запад... Березовая роща, иссеченная осколками, стояла совсем прозрачная...»

- Художественная литература... Тяжелое дыхание боя, опутанное солнце... Выдумывает, - промолвил он и отложил книгу... Необходима динамика - бой не дышал, а шел, солнце светило или закатывалось, но не падало. Не надо никаких сюжетных завязок и красивостей. Все так, как в жизни» [2, с. 158]. Дилемма очень актуальная для прозы рубежа тысячелетий.

О драматической судьбе и о необычайном человеческом мужестве Владислава Титова написано и сказано немало (газетные и журнальные публикации 60-х - 70-х годов). В данном случае речь пойдет о некоторых **принципиально важных**, на наш взгляд, **особенностях его творческого метода**.

«В.А.Титов пришел в литературу из шахты, из забоя. Школьный опыт стихосложения, позже заметка в армейской печати - вот багаж, с которым ступает он на писательскую тропку. Жизненный опыт куда богаче: детство в глубинке липецкой земли в военное лихолетье, тяжелый послевоенный быт в большой многодетной семье, крестьянский трудовой опыт, учеба в горном техникуме, прерванная трехлетней службой в армии, отточка характера в горняцкой работе. Успел он посмотреть в глаза смерти и выстоять в борьбе с нею» [1, с.29].

Некоторые читатели воспринимают В.Титова как автора одной книги «Всем смертям назло», что не соответствует истине. Писатель оставил богатое творческое наследие - произведение разных жанров (от небольшого рассказа до романа). И так же, как у Т.Рыбаса, его главными героями всегда были «обыкновенные люди», которые всей своей жизнью подтверждали простую истину: человек обязан помнить о своем предназначении в этом мире - «делать жизнь лучше, красивее» [5, с.57]. И «должен быть добрым. И даже последний день свой обязан встретить по-доброму» [6, с.72].

Безусловно, Титов, как и Рыбас, работал в русле классического **реализма**, но **реализма XX века**, а реалисты прошлого столетия при многих точках

соприкосновения с мастерами XIX века, отличаются от своих предшественников по целому ряду эстетических признаков.

Сама судьба прорастила в Титове **романтические черты** - как в человеке, так и в писателе. Его тяга к исключительным личностям наверняка порождена шахтерским жизненным опытом. Это прекрасно иллюстрирует роман «Проходчики». Причем и в этом романе, и в других своих произведениях писатель (осознанно или нет) продолжает горысовскую линию **«реалистического романтизма»**, когда внешне обычный человек раскрывается как личность исключительная в определенных жизненных обстоятельствах. Таков, например, Виктор в «Проходчиках» и, конечно же, главный герой «Всем смертям назло».

Прибавляет романтических элементов и трактовка Титовым традиционной для художественной литературы темы взаимоотношений человека и природы. Личная трагедия писателя и его почти мистическое спасение от верной гибели не могли не внести **элементы пантеизма в ощущение природы**, и лейтмотивной является идея о приоритетности живой природы перед городом, который «весь асфальтом зарос» [6, с.69], как заметила Матрёна из повести «В родной земле корням теплее», £ «на воле» - «ромашковый луг» и «крик чибиса». В этой антитезе Титов близок В.Шукшину, В.Распутину и особенно В.Астафьеву.

Но проблема «человек - природа» в русле «производственной», шахтерской, тематики выявляет и некоторые признаки **символического реализма**, самым известным представителем которого в русской прозе прошлого века был Л.Леонов. Причем символическим смыслом у Титова наполняются не только конкретные проявления природы, воспринимаемые органами чувств: акации, которые выдирает с корнями трактор, похожий «на разъярённого быка с чудовищными железными рогами» («В родной земле корням теплее») или разлившаяся река («Полые воды»), но и то, что многие явления природы не относят. «Темнота казалась густой и вязкой, как смола. Она давила на глаза, и чем шире раскрывались веки, тем ощутимее была тяжесть. Тишина делала мрак еще гуще...

Контуры пространства не определялись, потерялось время, реальность всего сущего пропала, настоящими были только глухая тишина и непроглядный мрак. Они каким-то образом переплелись и будто бы не могли существовать друг без друга, создали свой зловещий союз, изгнав из него все признаки живого. Но и этого было мало. В гробовое безмолвие тек холод. Он набирал свою игольчатую силу, наполнял пространство стылой сыростью. **Стынь казалась живой и даже слегка шевелилась** (выделено мной - Л.Ч.), от ее прикосновения пупырилось тело, но эта холодная жизнь пришла сюда, чтобы разрастись и утвердиться, убив другую, теплую и беззащитную...

Из безмолвия послышался шорох, будто трение темноты о холодные камни (выделено мной - Л.Ч.)» [5, с.45].

Стремление соединить полет художественной мысли с документальностью (это особенно проявилось в романе проходчики) присуще В.Титову так же, как и Т.Рыбасу, но, в отличие от старшего собрата по перу Титов не декларирует это, а, напротив, часто переводит в подтекст.

И еще об одной особой стороне титовского отражения реальной жизни необходимо сказать. **Его проза драматургизирована**, т.к. диалоги и монологи составляют значительную, иногда даже большую часть текста, что заметно и без анализа, по чисто внешним признакам оформления текста. Например, около двух третей текста повести «В родной земле корням теплее» составляют диалоги и монологи. Внутренние монологи - чаще диалоги: с самим собой или воображаемым собеседником активны в романе «Проходчики».

Если, благодаря Бертольд Брехиу, XX век получил «эпический театр», то в эпосе не менее интересно, хотя и без особой литературоведческой рекламы, в прошлом столетии развивается «театрализованный эпос». В русской прозе у его истоков стоял Алексей Толстой (особенно это заметно в «Петре Первом»). На рубеже тысячелетий это уже мощное и модное течение в литературе. В. Титов - один из его представителей в 80-е годы.

Естественно, что все сказанное не исчерпывает характеристику метода писателя, но дает некоторое представления о его месте в русской реалистической прозе второй половине XX века.

И Тарас Рыбас, и Владислав Титов всегда обращались не к «элитарной читательской аудитории», а ко всем, кому интересна и близка повседневная «обычная» жизнь. В их творческую задачу не входило удивить читателей и критиков стилевыми экспериментами. Вслед за героиней Рыбаса Светланой («Верю словам Светланы») писатели были вправе сказать: **«Я за рассказы, после которых укрепляется вера в человека...»** [2, с. 150]. Отразив эпоху через судьбы и характеры так, кто просто жил и просто работал, не думая о славе и памяти потомков, делал историю, часто даже не подозревая об этом, Тарас Рыбас и Владислав Титов и сейчас современны и своим творчеством служат «укреплению веры в человека».

Литература:

1. Елыпина Л.В. Воплотить в своем творчестве время... // Высота Владислава Титова. - Луганск: Изд-во ЛОУНБ, 2010. - 64с. - С.28 - 40.

2. Рыбас Т.М. Небо будет ясным. - К.: ДВХЛ, 1962. - 352 с. 3. Рыбас Т.М. Новоселье. - Донецк: «Донбасс», 1969. - 216 с. 4. Рыбас Т.М. Голос чистых родников: Рассказы, повесть - К.: Радянський письменник, 1977. - 336 с. 5. Титов В. Проходчики. Роман // Юность. - 1982. - №8. - С.37 - 59. 6. Титов В. В родной земле корням теплее. Повесть // Наш современник. - 1983. - №3. - С.40 - 93.

Аннотация

Черниенко Л.В. «Региональная литература» - общезначимые проблемы (Тарас Рыбас, Владислав Титов)

В статье рассматриваются некоторые аспекты творчества двух известных в Украине второй половины прошлого столетия писателей, творчество которых тесно связано с Донбассом, в частности, с Луганском.

Автор статьи акцентирует внимание на развитии Т.Рыбасом и В.Титовым реалистических традиций в русской литературе Украины, определяя наиболее значимые темы их прозы и выделяя специфические черты индивидуального творческого метода каждого.

Проводятся параллели между Рыбасом и Титовым, а также оба включены в большую (в их время - всесоюзную) литературу, в частности, в плане решения проблемы героя (В.Шукшин, В.Астафьев, Ю.Казаков).

Кроме того, выделяется проблема «синтетизма» в развитии реалистического метода, в том числе проникновение в него элементов романтических.

Ключевые слова: художественный метод, индивидуальный творческий метод, реализм, романтизм, синтез, герой, духовный мир.

Анотація

Чернієнко Л.В. «Регіональна література» - загальнозначущі проблеми (Тарас Рибас, Владислав Титов)

В статті розглядаються декотрі аспекти творчості двох відомих в Україні другої половини минулого століття письменників, творчість яких тісно пов'язана з Донбасом, зокрема з Луганськом.

Автор статті акцентує увагу на розвитку Т.Рибасом і В.Титовим реалістичних традицій в російській літературі України, визначаючи найбільш важливі теми їх прози та виділяючи специфічні риси індивідуального творчого метода кожного.

Проводяться паралелі між Рибасом та Титовим, а також обидва включені у велику (в їхній час - всесоюзну) літературу, зокрема в плані рішення проблеми героя (В.Шукшин, В. Астаф'єв, Ю.Казаков).

Крім того, виділяється проблема «синтетизму» в розвитку реалістичного методу, в тому числі проникнення в нього елементів романтичних.

Ключові слова: художній метод, індивідуальний творчий метод, реалізм, романтизм, синтез, герой, духовний світ.

Summary

Chernienko L.V. "Regional Literature" - generally significant problems (Taras Rybas, Vladislav Titov).

This article discusses some aspects of die work of two well-known in Ukraine writers of the second half of the XX century. Their works is closely related to die Donbass, in particular, Lugansk.

The article focuses on the development of the realistic traditions of Russian literature of Ukraine by T.Rybas and V.Titov. The author of the article identifies the *most significant themes of* their prose and emphasizes the specific features of their individual creative method.

Chernienko L.V. draws parallels between Rybas and Titov. Both of them are included in the large literature, especially in the problem of the hero (V. Shukshin, V.Astafiev, Yu. Kazakov).

Moreover, the author of the article stands out the problem of "synthetism" in the development of the realistic method, including the penetration of romantic elements.

Keywords: art method, individual creative method, realism, romanticism, synthesis, character, spiritual world.